

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «ИСТОРИКО- ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА» В. И. АБАЕВА *

Т. А. ГУРИЕВ

Слово *s'us* «малый (по количеству)», «мало» В. И. Абаев оставил без этимологии, отметив, что «происхождение не ясно» (338). Слово имеет широкое употребление и активно используется в словообразовании [1].

Соблазнительно сопоставить с монгольским *дзус* — «ломать», «ломтик», «кусок» [2, 289].

Слово *cyrd/curd* «проворный», «быстрый» напоминает автору форму причастия прошедшего времени от некоего глагола *сируп* «поджаривать». «Если эта близость не обманчива, — пишет В. И. Абаев, — то развитие значения «горячий» > «проворный» (324). И. Гершевич усмотрел в приведенных словах Абаева некоторую неуверенность и писал, что автор «justly notes that we do not yet have a semantically convincing etymology» [4, 64].

Сам Гершевич считает данное слово родственным ведийскому **čud-ra*; ср. *čud* — «to impel, to hasten», а также перс. *čust* «nimble, quick». Предложенная И. Гершевичем этимология представляется приемлемой.

Обращаем внимание на то, что в дигорском диалекте нет аналогии иронскому *сируп* «поджаривать».

Несомненный интерес представляет история слова *с'ах/с'иах* «грач», «галка». Автор оставил его без этимологии, считая его звукоподражанием (331). Следует, возможно, учесть монг. *сага* «чайка». В среднемонгольском *сага/саг* употреблялось, видимо, и как ласкательное слово. Например, в «Сокровенном сказании монголов» говорится о том, как Есукай Баатур перед смертью обратился к работнику с такими словами: «...*сага* *mino* *Munlik!*» «...чайка моя, Мунлик!»; в современном калмыцком данное обращение звучит так: «...цах мин, Мунлик!» [5, 68].

Культурное слово *dzonyğ/conæğ/conuğ* «сани», «челюсть» имеет широчайшее распространение в Евразии. По мнению автора, оно первоначально обозначало «челюсть» и замечает: звуковой облик его ближе к тюркскому и аварскому. Г. Бейли считает этот термин исконно иранским, подкрепляя свою гипотезу авестийским *čonat-čahra* — «with smoothly running wheels», которое долгое время оставалось неясным [6, 3].

Проблемной представляется статья, посвященная слову *с'ах* «серый», «синий», «голубой», «зеленый». Автор высказывает предположение о его кавказском происхождении (334), что приглашает к продолжению обсуждения данного вопроса.

В ряду примеров, приведенных в статье, не оказалось распространенное сочетание

¹ Первая часть статьи опубликована в журнале: Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 15 (54). С. 54-68.

цъæх арахъ «синяя арака», а также значения «арака»; ср. *йæхимæ цъæхæй фæкастис* «он напился араки». Мимоходом заметим, что Василий Иванович посвятил древнерусскому «синее вино», упомянутому в «Слове о полку Игореве» отдельную статью. Он, в частности, отвергает принятую трактовку данного сочетания в научной литературе и заметил, что полной аналогией древнерусскому сочетанию является осетинское *цъæх арахъ* «синяя арака» [7]. А. Кристолю считает статью Абаева спорной и отмечает распространенность эпитета «синий» для вина [8, 227].

Автор Словаря показывает, как и во многих других случаях широкую распространенность термина *куыр* «молодой бык», «бугай» в угро-финских и кавказских языках (608), но первоисточник не указывает. Г. Н. Румянцев (со ссылкой на А. М. Бернштама) отмечает наличие данного термина в древнекитайском источнике в связи с этногенезом монголов [9, 323].

В статье, посвященной загадочному слову *jadgor/adgor* автор пишет: «д. *jad*, *ad* одолжение (?); *jadgor* «кто просит об одолжении»; *jadi lævard* «одолженный предмет»... В. И. Абаев считает данное слово заимствованием из турецкого *yat/yadel* «память», «напоминание»» (563). Небольшое уточнение: *jad/ad* отдельно не встречается в языке, поэтому следовало этимологизировать *jadgor/adgor*.

Полагаем, что значение турецкого слова плохо «уживается» с осетинским *jad-ad*. Сам В. И. Абаев слово «содержание» сопровождает вопросительным знаком, что вряд ли является случайным.

По устному сообщению Т. А. Хамицаевой, рассматриваемое слово *адгор* обычно встречается только в таком контексте: *адгор дама æрбауадтæн* «зашел к тебе попросить *ад*», имея в виду одолжить орудие труда, инструмент, вещь, предмет.

Вместо гипотетической турецкой этимологии можно предложить — *jad-/ad/* <монг. *ad* «вещь, предмет, инструмент» и т.п. [2, 666]. Любопытно, что Василий Иванович сочетание *jadi lævard* передает как «одолжить предмет», т.е. в данном

случае обсуждаемая часть слова означает «предмет».

Слово *bæznag* «тучный, изобильный» Абаев сопровождает пометой д (игорский) и предлагает (правда, с сомнением) две гипотезы его происхождения: *bæznag* и *bænzyn* «годиться»? или *bæznag* < *bæzn* — «густой, толстый»? (256).

Редкое слово *бæзнаг* встречается и в иронском; ср., например, сочетание *бæзнаг хуы* «свирепый (дикий) кабан». Не исключена связь осетинского слова с др. инд. *bhuvan* «большой, крупный», «сильный»; ср. также русск. *буйный*, укр. *буйный* [10, 234].

Обозревая состав словарных статей в ИЭСОЯ, нельзя обойти молчанием проблему происхождения самоназваний двух осетинских племен в том виде, в котором подается в Словаре. В статьях *dygur* (379-380) и *ir* (545-546). Абаев повторяет свою гипотезу о кавказском происхождении указанных двух этнонимов, выдвинутой еще в середине XX столетия [11, 245-246].

В формате маргиналий нет возможности рассматривать данную концепцию В. И. Абаева. Отметим лишь, что иранская этимология термина *ир* В. Ф. Миллера, поддержанная почти всеми специалистами, нам представляется вполне убедительной [12, 55; 13].

Проблематичной остается история этнонима *дигор*. При рассмотрении вопроса о происхождении термина *дигор* обычно ссылаются на форму *astikor*, приведенную Моисеем Хоренаци (что вполне понятно). Профессор А. Кристолю по-новому трактует сведения Моисея Хоренаци. Он считает, что сама форма *astikor* свидетельствует об исконности слова. Таким образом, Кристолю ставит под сомнение гипотезу Абаева, который пытался связать этот этноним с *a-dag-a* «черкесы». Кристолю приводит зафиксированную еще Гесиодом (VIII-VII) глоссу *adigor=troxallis=broukhos*, т.е. *sauterelle* «кузнечик, саранча» [8, 220-221].

Проблемной представляется и статья, посвященная важнейшему теониму *Куырдалæгон* (610). Напомним, что еще в середине XX в. Абаев «прочитал» этот теоним

как *Kurd-Alæ-Wærgon* = «Кузнец Аланский Варгон» [11, 593]. При этом он связал осетинское *Wærgon* с *Vulcanus*. В ИЭСОЯ он вернулся к приведенному объяснению теонима. Э. Бенвенист скептически отнесся к трактовке последнего компонента приведенной этимологии и назвал ее «pure imagination» [14, 129].

Любопытно, что сам Э. Бенвенист не предложил альтернативную этимологию. Мы предлагаем простую вполне прозаическую этимологию теонима *Куырдалæгон*.

Имя аланского небесного кузнеца состоит, по всей вероятности, из *куырδ* «кузнец» и *далагон*. Известно, что во многих языках Евразии *тархан/дархан/далаган* и означает «кузнец». В фольклоре оно выступало и в функции собственного имени [15; 16, 151-154]. Но данное слово имело и ряд других значений, выступало как часть имени собственного (Севротян). Эрванд Владимирович поддержал мнение М. Рэснена, который считал данное слово монголизмом в тюркских языках.

В работе, посвященной термину *тархан*, Абаев рассмотрел историю термина и пришел к выводу, что он арийского происхождения [17, 618-621; 18, 275-277]. Автор заметил, что со временем *тархан* вошло в состав личных и фамильных названий.

К сожалению, Василий Иванович не рассмотрел формы данного термина в разных языках.

Сказанное ставит перед исследователем новые вопросы: является ли *дараган-далаган-далагон* исконным или эта форма развилась в каком-то другом языке? Почему Курадалагон наградили постоянным эпитетом «небесный»?..

Как видно, в имени небесного кузнеца есть свои загадки. Впрочем, некоторые имена богов таят трудные загадки для современников [18].

Без этимологии осталось слово *kuryn* «молиться». Абаев посчитал предложенную Миллером связь этого слова со ст.

слав. *кывати* неприемлемой, но склонен, кажется, вернуться к этимологии Бенвениста *kuryn* < **kubh* «выполнять общественный ритуал» (604). Ю. Покорный видит в корне слова связь с индоевропейским **kou-* | **ku-* «drehend, tanzend» [19:590].

Содержание статей *kævdæs* и *kævdæsard* следует рассмотреть вместе. Термин *kævdæs* «кормушка, ясли» Абаев выводит из гипотетического *kædwæs* < *wæs-kæd* < **vatsa-kata* «помещение для теленка» (390). Автор, видимо, чувствовал шаткость своего предположения и писал: «Этимология основана на допущении, что ясли служили также помещением ля новорожденных телят, что вполне соответствует реалиям» (591).

Содержание приведенной цитаты, как и этимология, представляется некорректным. Термин *kævdæs*, как мы писали [20, 29], восходит к монгольскому *kebtēs* «лежка скота» из *kebte* «лежать» [21, 14].

Некорректная этимология слова *kævdæs* сказала и на трактовке и этимологии слова *kævdæsard* «человек низшего сословия, рожденный от побочной жены *nomylus* букв. «рожденный в яслях» (591). Данное название, пишет автор, основано на реалиях: *nomylus* обычно рожала в хлеву». Возникает вопрос: Если это так, то почему потомки *номылу* считались рожденными в хлеву? Ясно, что *kævdæsard* означает не «рожденный в яслях или в хлеву», а рожденный на лежке скота» (О термине *kævdæsard* см.: [22]).

Интересно, что В.И. Абаев в дополнительном томе ИЭСОЯ исправил некоторые неточности и ошибки в предыдущих томах. В частности, он указал на ошибочность этимологии слова *kævdæs*, правда, без ссылки на указанную выше нашу публикацию. Он ограничился лишь ссылкой на «Калмыцко-русский словарь» 1977 года [7, 16]. Любопытно, что в том же дополнительном томе В.И. Абаев не исправил этимологию слова *kævdæsard*.

1. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь (Под ред. и с дополнениями Фреймана А. А.). Л., 1927. Т. I.
2. Монгол-орос толь. М., 1957.
3. Русско-монгольский словарь/Под ред. Г. Д. Санжеева. М., 1960.
4. Gerschevitch I. Višara // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.
5. Сокровенное сказание монголов. Элиста, 1990.
6. Bayley, H. W. Ossetic čonuḡ «sledge», Avestan čanat // Hanjamana. Calcutta, 1989.
7. Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ, 1995.
8. Christol, A. Le «vin bleu» // Revue des Etudes Georgienne at Caucasiennes. Paris, 1987. № 3.
9. Румянцев Г. Н. О некоторых вопросах этимологии монгол и бурят // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. V.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. I.
11. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.,-Л., 1949.
12. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1882.
13. Гурьев Т. А. Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010.
14. Venveniste E. Etudes sur la langue ossete. Paris, 1959.
15. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 899.
16. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974
17. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958-1995. ТТ. I-IV.
18. Usener Y. Götternamen. Versuch einer Lehre von der religiosen Begriffsbildung. Bonn, 1996.
19. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
20. Гурьев Т. А. Отражение монгольских влияний в языке и эпосе алан (осетин) // АДД. М., 1970.
21. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1965.
22. Гурьев Т. А. Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010.